

берет (кого-л.) 'кому-л. хочется плясать': «Разодвинься народ, меня пляска берет» [СРНГ, 27, 176]; *плясучись* *плясать* задорно, азартно плясать: «Плясучись Саша плясала, парню на руки упала» [арх. – СРНГ, 27, 175].

Хоровод – хороводить

Хоровод как хореографическое произведение русского народа существует уже несколько столетий, он тесно связан с поверьями, обрядами и народным бытом.

Хороводы почти повсеместно сохранились в народе до наших дней, на что указывает большое количество вариантов слова *хоровод* на территории распространения русских народных говоров: *хоровод* 'собрание сельских девок и молодежи обоего пола на вольном воздухе, для пляски с песнями'; *хороводить*, *хороводничать* петь, ходить в хороводе [Даль, 4, 561]; *каравод* [арх., влг., нижегор., новг., перм. – СРНГ, 14, 354]; [ворон., орл., ряз. – Даль, 2, 90], [ОСГКО, 83], [ЯОС, 5, 20]; *каравон* [ЯОС, 5, 20]; *карагод* [Миртов, 131], [ворон., орл., ряз. – Даль, 2, 90]; [СРГЮРКК, 131], [ОСГКО, 83]; *карагод* [Васнецов, 103]; *каревод* [влг., ворон. – СРНГ, 13, 85]; *кареод* [СВГ, 3, 40]; *каревод* [арх., влг. – ЛК ТЭ]; *кароход* [Васнецов, 103]; *коровод* [акм., влад., влг., ворон., вят., зап.-брян., иркут., казан., калуж., кемер., колым., костр., куйбыш., моск., нижегор., новг., олон., перм., петерб., ряз., сарат., сиб., смол., твер., том., тул., ульян., урал., челяб., чкал., якут., яросл. – СРНГ, 14, 354], [СРГП, 126], [СРГСРКК, 138]; *коровон* [влад. – СРНГ 14, 355], [ЯОС 5, 70]; *коровонт* [казан., чебокс. – СРНГ, 14, 355]; *корогвод*. [куйбыш. – СРНГ, 14, 358]; *корогод* [белг., брян., в.-лук., ворон., дон., иркут., калуж., колым., курск., моск., орл., пенз., пск., ростов., ряз., сиб., смол., тамб., тул., чкал., якут. – СРНГ 14, 358]; *корозот* [иркут. – СРНГ, 14, 359]; *курогод* [Деул., 241]; *харагод* [юж. – Даль, 4, 561].

На широкое употребление слова кроме географических данных указывает и его словообразовательная активность: *короводик* уменьш.-ласк. к *коровод* [влг. – СРНГ, 14, 355]; *короводичек* уменьш.-ласк. к *коровод* [вят. – СРНГ, 14, 355]; *корогодец* уменьш.-ласк. к *корогод* [СРНГ, 14, 358]; *корогодик* уменьш.-ласк. к *корогод* [ряз. – СРНГ, 14, 358; Деул., 241]; *корогдчик* уменьш.-ласк. к *корогод* [тул. – СРНГ, 14, 359].

Фасмер [2, 332] не находит объяснения формам *карагод*, *корогод*, *коровод*, *карауд* и др. Он допускает разные возможности: первично *хоровод*, а остальные формы – поздние диалектные разновидности этого слова, или наоборот, *корогод* – более древняя форма. Черных считает, что старшей формой слова была форма с начальным *к*: *коловод* или *калоход* (от о-слав. **kolo*). В дальнейшем могла иметь место народная этимология: переосмысление слова под влиянием *хор*, что привело к потере внутренней формы слова [Черных, 2, 352].

Л.Г. Гусева

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ УСТАРЕВШЕЙ УРАЛЬСКОЙ ЛЕКСИКИ

Связь языка с историей народа наиболее наглядна в области лексики. Будучи своеобразным отпечатком пути, пройденного народом, она дает возможность проследить живую, непосредственную связь слов и понятий, почерпнуть сведения о бытии человеческого коллектива, сохранившиеся уже только в народной памяти.

© Л.Г. Гусева, 2001

В русских народных говорах Среднего Урала такая лексика обнаруживается в различных тематических группах. Это названия одежды, головных уборов, тканей: *горбун*, *горбач* 'платье старинного покроя без рукавов, которое обычно носили старые женщины', *куль* 'старинный мужской головной убор в виде колпака, мехом внутрь, крытый хлопчатобумажной тканью', *мёршенка*, *мёршень* 'женская шапочка, которую носили под платком', *пеструха* 'домотканая пестрядинная рубаша', *понёток* 'домотканое сукно'; названия предметов крестьянского быта: *лубка* 'решето, из которого разбрасывают зерно при севе вручную', *светильня*, *светилко* 'подставка для лучины, освещающей жилище, светец'; названия обычаев и обрядов сельской жизни: *гóрод* 'игра, проводившаяся в старой деревне на масленице'¹; *обза́даться* 'скрепить помолвку, обручение взаимными подарками жениха и невесты', *осённо* 'осенний натуральный налог, который собирался священнослужителями в своем приходе' и др. Особый интерес представляет лексика, связанная с родом занятий, деятельностью человека. Среди многочисленной группы устаревших по разным причинам диалектных слов, несомненный интерес представляют лексемы, связанные с родом занятий, деятельностью человека. Обратимся к некоторым из них.

Бич. В выражениях, сохранившихся от времени ямщины: *С бичом вернулся, с бичом пришел – ничего не заработал. Всю зиму емишину гонял, а к весне с бичом пришёл* [СРГСУ, 1, 45]. По данным СРНГ выражение зафиксировано в говорах Сибири (тюменских и томских) и Алтая (барнаульских). Примечательно, что сведения по указанным говорам предваряются указанием на то, что «в дореволюционной России – работал в качестве кучера на ямских лошадях, ямщина». Причиной развития значения, выраженного в устойчивом выражении *с бичом вернуться (прийти)*, очевидно, нередко было то, о чем рассказывает один из диалектоносителей: *Палку возьмёшь и едешь, а они (грабители) вооружены, а мы с голыми руками. Если полезешь, убьёт, коней отберёт... другой раз придёшь с одним бичом* [СРНГ, 2, 303].

Гóнщик. В дореволюционное время – погонщик лошадей, тянувших барку вверх по реке. Обычно гонщиками были подростки. *В гонщиках мальчонки ходили* [СРГСУ, 1, 121]. В СРНГ *гонщик* 'погонщик лошадей, тянувших баржу по реке' (Волга. Ока и др.). Кроме того, из словарной статьи узнаем, что на территории Тагильского уезда Пермской губ. и в начале XX в. (1930 г.) – Туринского р-на Свердловской обл. это слово отмечено со значением 'погонщик лошадей на рудничных работах', а *гонщица* – 'работница, вывозившая руду из забоя на тележке' [СРНГ, 7, 13].

Дво́рничать. Истор. Содержать постоянный двор: *Они сами-то дворничали, вот и наймовали стирать-то да пола мыть. Дво́рничество. Истор. Содержание заезжего двора [СРГСУ, 1, 132]. Ареал этого слова в прошлом – Европейский Север, Центральная Россия, Урал и Сибирь [СРНГ, 7, 299].*

Десяти́нник, десяти́льщик. Работник, которого в прежнее время нанимали на период жатвы со сдельной оплатой (с десятиной): *Десятинник – работник, который занимается косить хлеба литовкой с граблями с десятины. Возьмётся бедняк у богатога хлеб собирать с десятины – вот и десятильщик* [СРГСУ, 1, 135]. По данным СРНГ [8, 34],

¹ Из снега и жердей молодежь устраивала крепость с воротами. К столбу у ворот привязывали бутылку водки или женский платок. У ворот становился караульщик. Парни, желая взять «город», мчались на лошадях к воротам, но караульщик и сгруппировавшиеся участники игры отпугивали лошадей, иногда стаскивали с них всадников. Игра продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь из ловких парней не схватит бутылку или платок. После этого молодежь направлялась к победителю домой.

слово *десятильщик* отмечено только на Среднем Урале, *десятинщик* – также в вологодских говорах.

Жжёнопятики. Прозвище рабочих горячих цехов в дореволюционное время (носили валенки с привязанными деревянными колодками-подошвами, чтобы предохранить ноги от ожогов). *Струсили наши жжёнопятики* (П. Бажов «Марков камень») [СРГСУ, 1, 158]. Данное слово узколокально. В СРНГ [9, 148] представлены только уральские материалы.

Комбрник. Устар. Сторож: *В сельсовете жил как по-нонешнему сторож, тако по старинке коморник. Комбрница.* Женщина-сторож: *Я коморнисой работала в общежитие* [СРГСУ, 2, 43]. Данные слова отмечены в говорах в нескольких лексикофонетических вариантах. В СРНГ [13, 28] зафиксированы *каморник, коморник (каморница, коморница)* 'сторож, служивший в волостном правлении, в церкви и т.п.' в вятских, уральских, сибирских говорах. Кроме того, в вятских и пермских говорах бытовало слово *коморщик* 'сторож в волостном правлении' [СРНГ, 14, 237].

Крашельщик, крашэльщик. Красильщик: *Топерь-то без крашельщиков сами кра-сим. Ездили к нам крашельщики. Зашли как-то раз к нам крашельщики* [СРГСУ-Д, 262]. Слово бытовало в пермских и рязанских говорах [СРНГ, 15, 204].

Ларёшки. Устар. Торговцы-разносчики, коробейники [СРГСУ, 2, 87]. В СРНГ данное слово не зафиксировано.

Мелочник. Устар. Коробейник: *Ездили и к нам ране мелочники-те* [СРГСУ, 2, 125]. География слова по данным СРНГ [18, 102] – широкая: Северо-Запад, Центр России, Урал, Сибирь.

Огнёвщик. Устар. Рабочий, занятый обработкой раскаленного металла: *Огнёвщик я старый: двадцать лет поди* [СРГСУ, 3, 37–38]. В СРНГ [22, 326] слово в указанном значении не отмечено, но, по данным XIX в., в вятских и пермских говорах зафиксированы слова *огнёвщик, огнёвчик и огневщик* 'лесной сторож, наблюдающий за сохранением леса от пожаров (а также затем, чтобы не было самовольных порубок и поджогов)'. Интересна запись, сделанная Мухачевым в 1861 г.: «Огневщики – лесная стража из крестьян, от большей или меньшей бдительности которой зависит температура жилых покоев в Перми».

Подорбжник. Устар. Разбойник, грабитель на проезжих дорогах: *Подорбжники грабили раньше на дорогах купцов, которые с ярмарки ехали. Подорбжничать.* Устар. Заниматься грабежом, разбойничать на дорогах. **Подорбжничество.** Разбойничество: *Тогда ишо было подорбжничество* [СРГСУ, 4, 61]. По данным СРНГ [17, 122] *подорбжник* 'разбойник, грабитель на дороге' бытовало на Русском Севере, Урале и в Сибири, соответственно глагол *подорбжничать* отмечен в середине XIX в. на территории Оханского уезда Пермской губ., существительное *подорбжничество* – на территории Шалинского р-на Свердловской обл. Кроме этих слов, в Пудожском уезде Олонецкой губернии в 1864 г. в фольклорном произведении зафиксировано *подорбжничек* 'разбойник, грабитель на дороге': *А была там застава великая, было сорок человек разбойников, ночных все подорбжничков.*

Постра́дка, постра́дница, постраду́лька, постраду́шка, пострадýмка. Устар. Наемная работница на время страды: *От Петрова до Покрова я в пострадках жила; С молодцу еще в пострадках робила; А ране-то все пострадаок нанимали; Пострадка-то робила с утра до ночи. Пострадýм.* Муж. к *пострадýмка* [СРГСУ, 4, 108]. По данным СРНГ [30, 236] слова *постра́дка* и *постраду́лька* бытовали в говорах Урала и Сибири, ареал же слов *постра́дница, постраду́ля, постраду́шка, пострадýмка, пострадýм* –

территория бывшей Пермской губернии (включая и современную Свердловскую область). Подтверждающими статус рассмотренных слов как устаревших являются контексты, записанные на территории бытования указанных говоров: *Ноне пострадок нету, машины есть, да и на других никто не робит, все на всех работают и каждый на себя; Мать в пострадках жила. К богатому мужику в пострадки (приходилось) идти; Раньше у богатых пострадульки работали.*

Как отмечает И.А. Попов, «только длительное изучение лексики современного говора, наблюдение над функционированием в нем слов в разное время, в речи лиц разного возраста, разного социального положения, а также оценка слов самими говорящими с точки зрения употребительности, актуальности, жизненности этих слов позволяет проникнуть в пассивный лексический пласт говора»¹. Очевидно, с учетом сведений, полученных о рассмотренных словах из «Словаря русских говоров Среднего Урала» и «Словаря русских народных говоров», представляющего русскую диалектную лексику на протяжении XIX–XX вв., уверенно можно ставить вопрос о том, что это архаическая, устаревшая лексика, и говорить о корректности помет к рассмотренным словам в СРГСУ.

Причины устаревания большинства этих слов – экстралингвистические. Они являются историзмами – вышедшей из употребления лексикой в связи с исчезновением тех явлений, которые она обозначала: прошли времена ямщины, постоянных дворов, не носят рабочие горячих цехов валенки с подвязанными деревянными колодками-подошвами, не разъезжают по деревням красильщики, коробейники – забываются и соответствующие этим явлениям слова.

Соответствие части рассмотренных слов в говорах Севера европейской части нашей страны и Сибири – тоже отражение истории нашего края: русскими первопоселенцами на Урале и в Сибири были выходцы с Русского Севера.

К счастью, такие устаревшие диалектные слова удалось еще зафиксировать во второй половине XX в. Сведенные ныне в одном словаре, они представляют энциклопедию народной жизни в прошлом.

Лексика русских народных говоров, являясь составной частью лексики русского национального языка и будучи продуктом исторического развития языка в многообразии территориального варьирования, подвергается существенным изменениям как собственно языкового, так и экстралингвистического характера, что отмечается специалистами в области региональной и исторической лексикологии. Ф.П. Сорокалетов и О.Д. Кузнецова считают, что «о лексическом составе русских диалектов даже недавнего прошлого уже нельзя судить по данным современных говоров»².

Материалы современных региональных словарей в сопоставлении с данными по XIX в. дают возможность рассматривать в движении диалектную лексику определенной территории.

Так, сравнение диалектного лексического материала на территории бывшей Пермской губернии по данным различных письменных источников XIX в. – журналов «Живая старина» и Записки Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), газеты «Пермские губернские ведомости», фольклорных произведений, в том числе и лексикографических («Опыт областного великорусского словаря», и «Дополнение к опыту обла-

¹ Попов И.А. Из истории слов пассивного лексического пласта одного севернорусского говора // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 51.

² Сорокалетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. С. 6.

стного великорусского словаря» с материалами современных уральских словарей («Словарь русских говоров Среднего Урала», «Словарь говоров Соликамского района Пермской области», «Словарь деревни Акчим Пермской области») позволяет говорить о наличии большого и тематически разнообразного круга слов, которые либо совершенно вышли из употребления, либо живут в пассивном лексическом запасе диалектоносителей старшего поколения.

Однако многие диалектные слова, отмеченные на территории Урала веком ранее в различных историко-этнографических и экономических исследованиях в фольклоре, в первых диалектных словарях – «Опыте областного великорусского словаря» и «Дополнении» к нему, уже не бытуют в современных уральских говорах и потому не находят отражения в современных уральских диалектных словарях. Среди них – и слова, свидетельствующие об обрядово-бытовых традициях людей, живших на этой территории в XIX в.: о свадебном обряде (*богоданный* ‘посаженный отец’, *большой боярин* ‘самое почетное лицо из свиты жениха’, *кряны* ‘конфеты и другие сладости, которые требуют девицы от шаферов, когда молодые на другой день брака ездят на поклон’ и др.); о пище в обрядах (*козулька* ‘изображение коровы из пресного теста; козули делают и продаются только перед праздником Рождества Христова’); о ряженных (*куляжки* ‘люди, наряженные во время святок в особые костюмы’); об обычаях, связанных с обработкой зерна (*лопатное* ‘плата на мельницах, за молотье зернового хлеба, состоящая в том, что с каждого мешка, по условию, берут в пользу мельника или хозяина мельницы по лопатке или по совку из смолотой муки’), заготовкой дров (*дроворубка* ‘помочь на порубку дров: крестьянин сзывает приятелей помочь ему нарубить дров, и каждый из приглашенных едет в лес и привозит на своей лошади воз дров. Вечером за это хозяин угощает их ужином, и в заключение поют песни и пляшут’) и др.

Отдельную группу составляют в СРНГ слова с пометой «Перм.», которые не только отсутствуют в современных уральских словарях, но и не находят себе в них однокоренных с соотносимой, сходной семантикой: *бакасырь* ‘сорванец, озорник’ [СРНГ, 2, 59]; *балабэзиха* ‘болтун, краснобай’ [СРНГ, 2, 59]; *безуэрица* ‘бестолковая женщина’ [СРНГ, 2, 201]; *белёс* ‘монастырский рабочий, работающий по найму или на добровольных началах, не постриженный в монахи’ [СРНГ, 2, 211] (ср. *бёлец* ‘житель монастыря, не постриженный в монахи’); *ваула, м. и ж.* ‘тот, кто страдает заиканием; заика’; ‘тот, кто страдает косноязычием’ [СРНГ, 4, 73]; *едукарь* ‘дока, смысленный, умный человек’ [СРНГ, 8, 324]; *ерефёлка* ‘непостоянная, вертлявая, злоязычная женщина’: *Ерефёлка-то эта завсе перебежат из дому в дом, то туды, то сюды, везде тараторит, того да друтого перешевёрнёт* [СРНГ, 9, 24]; *звякала, звякалец* ‘скупец, скряга, считающий по ночам деньги’ [СРНГ, 9, 226]; *мачуфрón, мачуфрónья* ‘сладкоежка, лакомка’ [СРНГ, 18, 56];

Отсутствуют в современных уральских словарях и слова:

альлика ‘татарка’ [СРНГ 1, 244]; ср. *альш* ‘друг’, отмеченное В.В. Радловым в бабинском и туралинском наречиях татарского языка; *мухоедán* ‘магометанин’ [СРНГ, 19, 37]; слово, возможно, возникло в результате народной этимологии из *Мухамедзян*; *базу́ня, м. и ж.* ‘прозвище ревуна, крикуна’ [СРНГ, 2, 51], *базо́ня, м. и ж.* 1. ‘крикун’ [СРНГ, 2, 51]; ср.: *базáть, базíть* ‘кричать, орать’ – *С ярманки ехал, всю дорогу песни базал* [СРНГСУ-Д, 12]; *базы́жа, общ. неодобр.* ‘о животном, издающем громкий крик, или

¹ Словарь пермских памятников XVI–начала XVIII в. / Сост. Е.Н. Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. Вып. 1: А–Г. С. 28.

² См.: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1, ч. 1. С. 382.

о человеке (обычно о ребенке), очень громко плачущем, кричащем' [Акчим, 1, 47]; *балбёр* 'шутник, балагур' [СРНГ, 2, 77]; ср.: *балбэря*, м. и ж. 'бестолковый упрямый человек' [СРГСУ-Д, 13]; *балбэрия*, *бран.* 'о мужчине (обычно мальчике), поступающем неразумно, бестолково' [Акчим, 1, 49]; *барабóра*, м. и ж. 'суетливый, не способный сидеть смирно человек; непоседа' [СРНГ, 2, 101]; ср.: *барáбать* 'беспорядочно двигать ногами (о ребенке)' [СРГСУ, 1, 34]; *барáбаться* (и *барáбкаться*) 'барахтаться, возиться' [Соликам., 32]; *барáбить* 'буянить' [СРГСУ-Д, 14]; *барабóша*, м. и ж. 'беспокойный, надоедливый человек' [СРГСУ-Д, 15]; *восéйка* 'бойкая, непоседливая женщина' [СРНГ 5, 131]; *воссéха* и *воссихá* 'бойкая женщина, непоседа' [СРНГ, 5, 146]; ср.: *васся́* (и *восся́*), *воссёвка*, м. и ж., *экспр.* 'о тех, кто много бегают, толкается, шумит' [СРГСУ, 1, 68], *восся́ общ. экспр.* 'о неусидчивом, суетливом человеке' – *Ох-де ты такая вощя! Никак тебе не сидится на одном месте! Пришёл вощя, завертелся* [Акчим, 1, 150]; *басалгá*, м. и ж. 'глупый или безнравственный человек'. Иногда *бран.* [СРНГ, 2, 128]; ср.: *басаргá*, м. и ж. 'беспутный человек' [СРГСУ, 1, 36]; относительно мены р/л ср.: *пролúбка* 'маленькая прорубь', *пролúбное* в знач. *существ.* 'плата за пользование водой из проруби', *пролúбник* 'человек, который чистит прорубь', *пролúбрь* 'прорубь' [СРГСУ, 5, 29], *свáльба*, *свáрьба* 'свадьба' [СРГСУ, 5, 114–115]; *ватарáкша*, м. и ж. *бран.* 'непорядочный плохой человек; негодник, негодница' – *Эко ватаракша! ей говоришь, она ещё и зубы выставляет [грубит]. Заставь этого ватаракшу чего-нибудь сделать, так он всё назгал: взял да из чистого ведра скотину поит, а ономедни опять из большой кадки воду черпат чистым ковшом. Велика ли ватаракша, ещё семи годов, а такая упрямая да своебытная! А пакостить – дак её дело* [СРНГ, 4, 70]; примечательно, что на этой же территории засвидетельствовано слово *ватарáкша* 'ящерица' [СРНГ, 4, 70]; ср. *ватарáкша*, м. и ж. *бран.* 'негодный' [СРГСУ, 1, 68]; *вельгúша* 'тот, кто говорит плаксивым голосом, хнычет' [СРНГ, 4, 110]; ср.: *венгуша*, м. и ж. *экспр.* 'плакса, нытик' [СРГСУ, 1, 69], *веньгúша*; *веньга* м. и ж. 'плакса' – *Веньгуша всё ходит хныкат* [СРГСУ-Д, 59]; ср. также: *гребёлка* 'гребенка' (Север, Урал, Сибирь, Дальний Восток), *гребёлочка* (олон., яросл., тобол., том.), *пристáль* 'пристань' (олон., курск), *сухмéль* 'сухмень' (новг.)¹.

Устареванию определенной части лексики как в литературном языке, так и в русских народных говорах способствуют и некоторые процессы на словообразовательном уровне.

В устаревшей уральской лексике определённый пласт составляют слова (прежде всего глаголы) с префиксом *воз-* (*вос-*), большинство которых церковнославянского происхождения и словообразовательный тип которых в современном русском национальном языке непродуктивен.

Структурно-словообразовательные особенности глаголов с приставкой *воз-* в говорах рассматриваются в работах П.И. Павленко. В отношении подобных словообразовательных типов интересной представляется точка зрения академика В.В. Виноградова: «Анализ непродуктивных словообразовательных типов может вскрыть исторические тенденции в развитии словообразования, но в основном он вращается в сфере лексикологических проблем».

На фоне большей исторически сложившейся продуктивности образований с префиксом *вз-* (*вс-*) (*взвели́чивать* 'возвеличивать', *взворохну́ться* 'шевелиться, двинуться', *взга́рмгаться* 'взобраться куда-либо, на что-нибудь', *взгаде́ть* 'обрадо-

¹ Кузнецова О.Д. Актуальные процессы в говорах русского языка. Л., 1985. С. 114–122.

ваться' и др.), в уральских говорах, по данным СРНГ, в XIX и начале XX вв. бытовала значительная группа слов с префиксом *воз-* (*вос-*).

Наряду с лексемами, имевшими широкий ареал и соответствия чаще в говорах Русского Севера (арх. *восколѣбаться* 'закачаться, заколѣбаться', онеж., печор. *воспро-молвить* 'проговорить, сказать' [СРНГ, 5, 135]), несомненный интерес представляют слова, отмеченные только на территории бывшей Пермской губернии и не зафиксированные в уральских словарях: *возболѣть* 'заболеть', *воздержать* 'не дать появиться чему-либо, сдержать', *воздунуться* 'подняться (о цене)', *возненаичить* 'вынаничить', *возложить* 'послать, напустить', *воспохватиться* 'спохватиться' и др.

Наряду с тем, что некоторые из этих слов в СРНГ сопровождаются пометой «фольклорное», у многих слов в иллюстративной части содержатся фрагменты из фольклорных произведений («возболит моё сердечушко, возболит моё ретивое» (песня), «что крестили его священнички, принимали да князя-бояра, возненаичили нянки-мамушки», «баба-яга возложила на него сон» и др.), записанных в XIX в. В.В. Барсовым, Д.К. Зелениным, А.И. Соболевским и др., что явно свидетельствует и о древности подобных образований, и о преимущественной сфере их употребления.

В составе устаревшей уральской лексики особое место занимает достаточно многочисленная группа слов, объединенных наличием префикса *без-* (*бес-*). По данным дифференциального СРНГ только на территории бывшей Пермской губернии зафиксированы слова *безвѣдомный* 'неизвестный', *безвѣсный* 'легкий, не тяжелый', *безвѣдный* 'невзрачный, неказистый', *безвъручный* 'не дающий выручки, прибыли', *безголо́сый* 'молчаливый, молчащий', *безгóрдый* 'негордый', *безмоло́чный* 'не имеющий молока', *безмо́хий* 'лишенный бахромы', *безмя́кийный* 'не имеющий ботвы', *безнабо́рный* 'не имеющий украшений, без «набора»'; *безвѣдно* 'невзрачно, неказисто', *безвъру́чно* 'без прибыли, без выручки', *безмѣлосливо* 'немилосердно, очень сильно', *безгла́зно* 'без надзора, без присмотра'; *безвѣсье* 'легкость', *безво́лье* 'неволя'; *безголо́сить* 'лишать голоса, власти, заставлять молчать', *бездомо́вничать* 'не иметь своего дома, жилища; жить скитаясь'; *безобу́вши* 'не обувшись', *безоде́вши* 'не одевшись, без одежды, не покрывшись' и др.

Соответствующие по структуре лексемы отмечены чаще в говорах Русского Севера: *безбра́тний* 'не имеющий брата' – в олонечких, *безобъя́вочно* 'без предупреждения, без доклада' – в онежских, *безѣ́вши*, *безѣ́дчи*, *безѣ́дши* 'без еды' – в вятских, *безрѣ́ха* 'неряха' – в вологодских и т. д.

О древности подобных образований явно свидетельствует и то, что часть этих слов в СРНГ имеет помету «фольклорное» и иллюстрируется фрагментами из записей, сделанных Е.В. Барсовым, А.Ф. Гильфердингом, П.В. Киреевским, П.Н. Рыбниковым, А.И. Соболевским и др.: *Надо слыть да бедной дочери безотней, Как печальной сестры да мне безбратней.* Олон., Барсов; *Как со стыду со страму со великого А тут Олешенька Попович он, Уехал он безвѣстно, не знают где Онеж., Гильфердинг; Ты гулянице ли наше гулянье, молодецкое наше, безотецкое.* Арх., Соболевский. *Молодецкая головушка безотецкая, Без отца выросла да без матери!* Волог., Соболевский. В 1898 г. в Екатеринбургском уезде Пермской губернии зафиксирована загадка: *Прилетела птица бесперая, села на дерево безлистое; пришла баба безростая, съела птицу бесперую* (снег и тепло) [СРНГ, 2, 199].

В современных уральских говорах (по данным «Словаря русских говоров Среднего Урала» и Дополнений к нему, «Словаря русских говоров Соликамского района Пермской области», «Словаря деревни Акчим Пермской области») подобных образований в целом значительно меньше, чем было: *безбо́рый* 'без оборок (об одежде)', *безму́жняя* 'незамужняя', *бэзработь* 'лодыри', *безотхо́да* 'без перерыва, без отдыха', *безугомо́нный*

‘неугомонный, беспокойный’, *безъёвши* ‘не евши, голодом’, *бесстárка* ‘нестареющая женщина’, *бессча́стный* ‘несчастливый’ и др., что свидетельствует не только об утрате многих слов, частично рассмотренных выше, но и, очевидно, о снижении продуктивности определенной словообразовательной модели.

В устаревшей уральской лексике несомненный интерес представляют и заимствования, ареал которых не выходит за пределы бывшей Пермской губернии и которые являются чаще всего результатом языковых контактов с аборигенами этого края или с их соседями.

Коми заимствованиями, очевидно, являются:

арт ‘толк, сметливость, рассудительность’ [СРНГ, 1, 278] – ср. *арт* диал. ‘ряд, порядок’, ‘лад, толк, порядок’ [КРС, 23]; ср., однако [Фасмер, 1, 88]: «Объяснение Шёгрена в связи с коми *art-alny* ‘думать, размышлять’ надежно; ср. Калима, FUF, 18,14»;

атт.я́, ат.я́, ати́ 1) (в разговоре с детьми) ‘прощай’: *Не за что сказать ати, коли нечего в рот взять* [СРНГ, 1, 292] – ср. *атт.я́* ‘спасибо, благодарю’ [КРС, 30];

Василья-когузя ‘Новый год – 1 января’: *Василья-когузя празднуется одновременно с нашим гражданским новым годом – 1 января* [ПГВ, 1862, №28]; ср.: *ковгыны* ‘гулко стукнуть’, ‘хлопнуть, бабахнуть, грохнуть, греметь (при стрельбе)’, *кõдзыз ковгýс* ‘мороз трещал’ [КРС, 289], *кõдзыд* ‘холодный, студёный’ (КРС, 216);

пурт ‘нож’: *Некоторые подпоясываются ремнём, на котором всегда и непременно бывает привешен небольшой пурт* [ПГВ, 1854, №44]; ср.: *пурт* ‘нож’ [КРС, 580];

чиканашка ‘игровой термин – название человека’: *Девушки, если не лягут спать после обеда на печку, на полати и кроватку, успеют к вечеру раз десять остаться мельниками, десять раз королевами и тридцать раз чиканашками* («Святки в Перми» – ПГВ, 1862, №3, 4); ср.: *чиганитчõм* ‘каприз, прихоть’, *чиган* скр. ‘брезгливый, привередливый, разборчивый’ [ССКЗД]; производные от *чиг* ‘выскательный’ [КЭСКЯ, 304], *чиганитчысь прич. и суш.* ‘привередничающий, привередливый; привередник, привередница’ [КРС, 741].

Результатом контактирования с тюркоязычным населением являются такие диалектизмы: *апáйка* ‘нагайка, казачья плеть’ [СРНГ, 1, 264]; ср.: *арai* ‘старшая сестра, тетя’, *перен.* ‘нагайка, казачья плеть’ [Фасмер, 1, 80; Шипова, 34]; *аргáш* ‘род форели или лосося, пеструшка’ [СРНГ, 1, 27]; ср. тат. *aryan balyk* ‘лосось’ [Шипова, 36].

Часть рассмотренных лексем (*Василья-когузя*, *пурт*, *чиканашка*) не отмечена в диалектных словарях.

Дифференциальный «Словарь русских народных говоров», включающий диалектную лексику, зафиксированную в различных источниках XIX–XX вв., содержит многочисленную группу слов с пометой «фолькл.» – фольклорное, позволяющей отграничить явления, характерные только для языка фольклора.

Поскольку эта помета сопровождается и географическими пометами, можно выделить в этой группе значительный пласт пермской лексики, отраженной в фольклорных произведениях на территории бывшей Пермской губернии (включавшей и территорию нынешней Свердловской области), записанных Д.К. Зелениным, А.И. Соболевским, П.В. Киреевским, П.Н. Рыбниковым, П.В. Шейном, Е.Н. Елеонской и др.

В этой группе представлены слова, относящиеся к различным самостоятельным частям речи: *возгневаться* ‘разгневаться’, *изна́сечь* ‘покрыть большим количеством насечек’, *наснарядить* ‘снарядить’; *кли́чник* ‘глашатай’, *колчаночка* ‘сумка, футляр для стрел, колчан’, *лаверок* ‘веер, веерок’, *наследница* ‘жена наследника’; *морево́й* ‘морской’; *всерадо́стно* ‘очень радостно’, *мане́жно* ‘степенно, чинно, важно, с достоинством’ и др. Лингвогеографический анализ этой лексики позволяет выделить слова, отмечен-

ные только на территории Пермской губернии (чаще – на территории одного из уездов): *изо-стать* ‘протереть во время длительного спанья (ковер и т. п.)’, *изюме́нец* ‘сушеный виноград, изюм’, *лазорево* ‘красно, розово’, *наряживать* ‘назначать на какую-либо работу’: На суденышке приказчик молодой, он по суденышку похаживает, своих плотников *наряживает* – в Красноуфимском уезде; *камуха* (удар.?) ‘муха’: Одна была муха под названьем *камуха*, *многоптица* ‘сказочная птица’ – в Шадринском уезде; *ковырчатый* ‘постоянный эпитет лаптей в песнях’ в Камышловском уезде; *модничек* ‘эпитет соловья’: *Соловейко-модничек*, *полетай на рудничек*, *козка* ‘козка-золотые рожки – одна из сказочных диких винок’, *нерукодельный* ‘нерукотворный’ – в Екатеринбургском уезде; *леверветы*, *леверветушки* ‘припев в песнях: леверветы, леверветы, леверветушки мои!’, *многоотресский* ‘издающий треск при горении (о лучине, дровах)’, *неписанный* ‘неописуемый (о красоте)’, *неизменичик* ‘неспособный к измене, верный человек’: *Грозный царь Иван Васильевич наказывал своим слугам, своим слугам неизменичкам...*; *непременно* ‘несомненно’, *обида* ‘вина, проступок’ и многие другие.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы.

При решении вопроса о причинах и степени устаревания диалектного слова важными являются как собственно языковые факторы (место, которое занимает слово в системе других слов в зависимости от его словообразовательных и семантических связей; широта распространения слова в говорах; наличие соответствующего эквивалента в литературной и шире – в общенародной лексике), так и внеязыковые. Например, явно за ненадобностью со временем забыто слово *белес* ‘монастырский рабочий, работающий по найму или на добровольных началах, не постриженный в монахи’. Вытеснены общенародными эквивалентами *алышка* ‘татарка’ и *мухоедан* ‘магометанин’.

Отсутствие словообразовательных и семантических связей с лексикой современных уральских говоров, безусловно, способствовало забвению таких слов, как *бакасырь* ‘сорванец, озорник’, *ваула* ‘заика’, *едукарь* ‘дока, смышленный, умный человек’, *ерефёлка* ‘непостоянная, вертлявая, злоязычная женщина’, *мачуфрон*, *мачуфронья* ‘сладкоежка, лакомка’.

Для этой группы слов характерно наличие в XIX–XX вв. вариативности на уровне словообразования (*базуня – базоня – базыга – базыка*, *балбер – балберя – балберия*, *барбора – барабоша*, *восейка – воссиха – восся – воссёвка*), фонемного состава (*басалга – басарга*, *ватаракиша – ватракиша*, *вельгуша – веньгуша*), свидетельствующей о том, что «любая система в языке обладает достаточной гибкостью, чтобы допускать бесконечное число связей, отношений, свойств и их комбинаций»¹. Рассмотрение вариативности диалектного слова в диахроническом аспекте особенно важно, т. к. по мнению Р.И. Аванесова, «многообразие диалектных различий – это живая история, проецированная в пространство, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов»².

Лексический диалектный материал позволяет более полно представить жизнь русских людей на территории Урала в предшествующие эпохи и более глубоко рассмотреть некоторые вопросы исторической и региональной лексикологии и лексикографии, поскольку «лексикологу дороги не только открытия общих лексико-семантических закономерностей, но и каждое слово, каждое его значение, своеобразие его употребления. Каждое слово – свой особый лингвистический мир, раскрыть тайны которого не только поучительно, но и удивительно»³.

¹ Маковский М.М. Соотношение необходимости и свободы в лексико-семантических преобразованиях // Вопр. языкознания. 1977. № 3. С. 72.

² Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 122.

³ См.: Филин Ф.П. [Предисловие] // К вопросу изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.